

УДК 34**Механизмы правового контроля поведения:
этические и социальные последствия****Смирнов Олег Аркадьевич**

Кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра прикладной математики и информатики,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы правового контроля, такие как простое соответствие, коллатеральная мотивация, авторитет и стратегическое вмешательство. Проведён комплексный анализ их природы, особенностей функционирования и влияния на индивидуальное поведение. Авторами показано, что устойчивый правопорядок достигается благодаря сбалансированному сочетанию механизмов правового контроля. Особое внимание уделено этическим аспектам и социальным последствиям различных форм правового регулирования. Исследование предлагает новый взгляд на право как многомерный социальный институт, сочетающий функции контроля, координации и ценностного ориентирования. Редукция права к инструменту социального контроля акцентирует механизмы принуждения и авторитета. В то время как понимание права как механизма организации совместной жизни свободных индивидов выдвигает на первый план стратегическое вмешательство, создающее условия для добровольной кооперации. Идеальная правовая система представляет собой такую модель регулирования, где экстернальное принуждение постепенно уступает место интернальной мотивации, а соблюдение правовых норм становится не результатом страха или слепого подчинения, а следствием осознанного выбора в условиях правильно структурированного социального взаимодействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В. Механизмы правового контроля поведения: этические и социальные последствия // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 26-32.

Ключевые слова

Правовой контроль, механизмы правового регулирования, коллатеральная мотивация, авторитет права, стратегическое вмешательство, социальный порядок, эффективность права, легитимность.

Введение

Правовой контроль как социальный феномен представляет собой сложную многоуровневую систему взаимодействия между нормативными предписаниями и индивидуальными поведенческими актами.

Данная система не может быть редуцирована к дихотомии «норма-санкция», поскольку включает в себя качественно разнородные механизмы воздействия, каждый из которых обладает специфической природой, внутренней логикой функционирования и особым характером влияния на поведение. В современной правовой теории принято выделять четыре фундаментальных механизма правового контроля: простое соответствие, коллатеральную мотивацию, авторитет и стратегическое вмешательство. Их комплексное взаимодействие формирует устойчивую систему правового регулирования, обеспечивающую поддержание социального порядка [Шатковская, Епифанова, Вовченко, 2018]. Анализ особенностей каждого из этих механизмов, их когнитивных, мотивационных и поведенческих эффектов позволяет не только глубже понять природу права как социального института, но и разрабатывать более совершенные модели правового регулирования, учитывающие сложность взаимодействия между правовыми нормами и индивидуальным поведением.

Основное содержание

Простое соответствие как механизм правового контроля характеризуется ситуацией, когда поведенческие акты индивида совпадают с правовыми предписаниями не в силу существования последних, а благодаря внутренним детерминантам поведения - личностным убеждениям, сформировавшимся привычкам. В данном контексте правовая норма выполняет не столько регулятивную, сколько фиксативную функцию, формально закрепляя уже существующие в социуме практики [Anderson, Whitman, 1971; Grasmick, Green, 1980].

Типичным примером может служить поведение предпринимателя, поддерживающего высокие стандарты качества продукции не под угрозой санкций, а исходя из профессиональной этики и заботы о деловой репутации. Философско-правовая значимость данного механизма заключается в том, что он репрезентирует идеальную модель правового регулирования, при которой внешнее принуждение становится избыточным благодаря гармоничному соответствию между индивидуальными ценностными ориентациями и правовыми предписаниями [DeMott, 1998]. В подобных случаях право выполняет преимущественно символическую функцию, выступая формальным выражением сложившихся социальных конвенций. Однако данный механизм обладает существенными ограничениями, обусловленными его зависимостью от изменчивости индивидуальных убеждений и ценностных ориентаций. При трансформации личностных представлений о должном и допустимом поведение индивида может перестать соответствовать правовым стандартам без каких-либо экстерналий санкций. Кроме того, данный механизм слабо поддается целенаправленному формированию со стороны

законодателя, поскольку основывается на глубинных личностных установках, формирующихся в процессе продолжительной и многоаспектной социализации [Сырых, 2005].

Коллатеральная мотивация как механизм правового контроля принципиально отличается от простого соответствия своей природой и способом воздействия. Данный механизм основан на системе экстерналих стимулов, которые могут носить как негативный (санкции за нарушение нормы), так и позитивный (поощрения за ее соблюдение) характер. Типичными примерами проявления данного механизма являются ситуации, когда гражданин пристегивается ремнем безопасности под угрозой штрафа, предприниматель оформляет трудовые договоры, опасаясь проверки контролирующих органов, или индивид участвует в переписи населения ради получения социальных льгот. Ключевой характеристикой данного механизма является его инструментальная природа: соблюдение правовой нормы происходит не в силу признания ее внутренней ценности или социальной значимости, а вследствие искусственного изменения правовой системой баланса выгод и издержек, связанных с определенными поведенческими актами [Minsky, Ungureanu, 2000].

Эмпирические исследования убедительно демонстрируют эффективность данного подхода в достижении конкретных поведенческих результатов - угроза наказания действительно оказывает существенное влияние на уровень правопослушания. Однако длительное и масштабное применение данного механизма порождает этические и социальные проблемы. Постоянное использование экстерналих стимулов приводит к постепенной эрозии интернальной мотивации - индивид перестает рефлексировать о моральном содержании своих действий, ориентируясь исключительно на возможные последствия. В результате формируется специфический тип правосознания, при котором закон воспринимается не как выражение социально значимых ценностей, а как совокупность правил, соблюдение которых определяется исключительно соотношением потенциальных выгод и потерь. Кроме того, данный механизм требует постоянного наращивания контролирующих ресурсов, поскольку его эффективность находится в прямой зависимости от вероятности обнаружения нарушения и тяжести предусмотренного наказания. Крайние формы правового принуждения нивелируют возможность осознанного выбора, трансформируя индивида в объект правового воздействия, лишенный способности к моральной рефлексии и автономному принятию решений [Bilz, Nadler, 2014].

Механизм авторитета в системе правового контроля обладает принципиально иной природой по сравнению с рассмотренными выше. В данном случае подчинение правовой норме происходит не вследствие оценки возможных последствий (как при коллатеральной мотивации), а в силу признания ее нормативной силы, исходящей от легитимного источника власти.

Типичными примерами являются поведение солдата, исполняющего приказ, или гражданина, платящего налоги из чувства гражданского долга. Ключевым аспектом данного механизма является не содержание нормы и не последствия ее нарушения, а сам факт ее исхождения от признанного источника правотворчества. Данный тип правового контроля качественно трансформирует природу морального выбора - действия, которые ранее могли быть предметом личного усмотрения, приобретают характер безусловных обязанностей, а несогласие с ними переходит из плоскости неразумности в сферу моральной неприемлемости. В современных демократических обществах данный механизм часто основывается на концепции «цепочки легитимности», где обязательная сила закона проистекает из демократических процедур его принятия.

Однако именно этот механизм наиболее уязвим для различного рода злоупотреблений, поскольку предполагает определенную степень некритичного принятия правовых установлений. Исторический опыт свидетельствует, что следование авторитету закона, оторванное от моральной рефлексии, может приводить к легитимации откровенно антигуманных практик. Более того, эффективность данного механизма находится в прямой зависимости от уровня доверия к институтам власти и восприятия справедливости существующего правопорядка, что делает его особенно уязвимым в периоды социальных кризисов и трансформаций.

Стратегическое вмешательство как механизм правового контроля занимает особое место в системе правового регулирования. Его сущность заключается в том, что закон изменяет не самих индивидов, а их ожидания относительно поведения других участников социального взаимодействия. Примером является соблюдение правил дорожного движения, когда водители следуют установленным нормам не столько из страха перед наказанием, сколько из уверенности, что другие участники движения будут вести себя аналогичным образом.

Уникальность данного механизма состоит в его способности разрешать классические социальные дилеммы, где индивидуальная рациональность вступает в противоречие с коллективными интересами. В таких сферах, как налоговая дисциплина, экологическое поведение или участие в общественно значимых инициативах, стратегическое вмешательство играет ключевую роль. В данном контексте право выступает не столько как инструмент принуждения, сколько как координационный механизм, создающий предсказуемость социальной среды и тем самым делающий кооперативное поведение рациональным выбором для каждого участника.

Особенностью данного механизма является его способность достигать социально значимых результатов при минимальном ограничении индивидуальной автономии и без требования слепого подчинения внешним предписаниям. Однако его эффективность напрямую зависит от достижения критической массы участников, готовых следовать установленным нормам, что создает существенные трудности на этапе внедрения новых правовых регуляторов.

Сравнительный анализ рассмотренных механизмов правового контроля выявляет сложную систему их взаимосвязей и взаимопереходов. Механизмы авторитета и стратегического вмешательства могут приводить к сходным результатам с точки зрения уровня правопослушания, однако достигаются эти результаты принципиально разными путями - через безусловное подчинение в первом случае и через координацию ожиданий во втором. Коллатеральная мотивация, являющаяся на первый взгляд прямой противоположностью простого соответствия, в процессе длительного применения может эволюционировать в него - как в случаях, когда первоначальное соблюдение нормы из-за страха перед санкциями постепенно трансформируется в устойчивую привычку и внутреннюю убежденность. Каждый из рассмотренных механизмов обладает специфическими ограничениями и сферами максимальной эффективности. Принуждение через систему санкций обеспечивает поведенческие изменения, но требует значительных ресурсов на контроль и порождает сопротивление. Авторитет эффективен в условиях стабильных социальных институтов, но крайне уязвим в периоды кризисов легитимности. Стратегическое вмешательство встраивается в социальные практики, но зависит от достижения критической массы участников. Простое соответствие представляет собой идеальную модель правовой гармонии, но оказывается ненадежным в условиях ценностного плюрализма и социальных изменений.

Практическая значимость предложенной классификации заключается в осознании того, что

устойчивый правопорядок не может основываться на каком-либо одном механизме - он требует их сбалансированного сочетания и взаимного дополнения. Эффективная правовая политика должна учитывать сильные и слабые стороны каждого из этих механизмов, применяя их в тех сферах, где они могут проявить максимальную эффективность. Философско-правовое осмысление данных механизмов ставит фундаментальный вопрос о природе права как социального явления. Редукция права к инструменту социального контроля акцентирует механизмы принуждения и авторитета. В то время как понимание права как механизма организации совместной жизни свободных индивидов выдвигает на первый план стратегическое вмешательство, создающее условия для добровольной кооперации. Идеальная правовая система представляет собой такую модель регулирования, где экстернальное принуждение постепенно уступает место интернальной мотивации, а соблюдение правовых норм становится не результатом страха или слепого подчинения, а следствием осознанного выбора в условиях правильно структурированного социального взаимодействия.

Заключение

Представленный анализ механизмов правового контроля демонстрирует сложную, многомерную природу взаимодействия правовых норм и индивидуального поведения. Такие механизмы как простое соответствие, коллатеральная мотивация, авторитет и стратегическое вмешательство – образуют целостную систему правового регулирования, каждый элемент которой обладает уникальными характеристиками и сферами эффективного применения.

Соответствие, основанное на гармонии правовых норм и индивидуальных ценностей, представляет собой идеальную, но трудно достижимую модель правового регулирования, где внешнее принуждение становится избыточным. Коллатеральная мотивация, опирающаяся на систему стимулов и санкций, обеспечивает быстрые поведенческие изменения, но несет в себе риск снижения внутренней мотивации и требует значительных контролирующих ресурсов. Механизм авторитета, базирующийся на признании нормативной силы закона, способен формировать устойчивые модели правопослушного поведения, но уязвим к злоупотреблениям и зависит от уровня доверия к правовой системе. Стратегическое вмешательство, изменяющее не самих индивидов, а их ожидания относительно поведения других, предлагает наиболее сбалансированный подход, минимизирующий внешнее принуждение при сохранении эффективности регулирования.

Устойчивый и эффективный правопорядок не может основываться на каком-либо одном механизме правового контроля. Его стабильность и жизнеспособность обеспечиваются именно сложным взаимодействием и взаимодополнением всех механизмов. Практическая ценность предложенной классификации состоит в возможности разработки более тонких и адресных инструментов правового регулирования, учитывающих специфику различных сфер общественной жизни и типов социальных взаимодействий.

Философско-правовое значение исследования заключается в преодолении упрощенных представлений о праве как исключительно инструменте принуждения. Право предстает как сложный социальный институт, выполняющий не только контролирующие, но и координирующие, интегративные и ценностно-формирующие функции. Перспективным направлением развития правовых систем представляется движение от моделей, основанных преимущественно на принуждении и авторитете, к более сложным формам регулирования, акцентирующемуся на стратегическом вмешательстве и создании условий для добровольного правопослушания.

Таким образом, понимание многообразия механизмов правового контроля и закономерностей их взаимодействия открывает возможности для совершенствования правового регулирования, делая его более гибким, эффективным и соответствующим принципам свободного общества. Это особенно важно в условиях современных социальных трансформаций, когда традиционные механизмы правового контроля сталкиваются с новыми вызовами, требующими инновационных подходов к правовому регулированию.

Библиография

1. Овчарова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – №. 2. – С. 137-158.
2. Сырых В. М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – №. 2. – С. 106-119.
3. Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №. 3. – С. 142-146.
4. Anderson D. C., Whitman T. L. Control of behavior through law: Theory and practice // Notre Dame Law. – 1971. – Т. 47. – С. 815.
5. Bilz K., Nadler J. Law, moral attitudes, and behavioral change // The Oxford handbook of behavioral economics and the law. – 2014. – С. 241-267.
6. Brochmann G. The mechanisms of control // Mechanisms of immigration control. – Routledge, 2020. – С. 1-27.
7. DeMott D. A. The Mechanisms of Control // Conn. J. Int'l L. – 1998. – Т. 13. – С. 233.
8. Grasmick H. G., Green D. E. Legal punishment, social disapproval and internalization as inhibitors of illegal behavior // J. Crim. L. & Criminology. – 1980. – Т. 71. – С. 325.
9. Kraakman R. H. Corporate liability strategies and the costs of legal controls // Yale LJ. – 1983. – Т. 93. – С. 857.
10. Minsky N. H., Ungureanu V. Law-governed interaction: a coordination and control mechanism for heterogeneous distributed systems // ACM Transactions on Software Engineering and Methodology (TOSEM). – 2000. – Т. 9. – №. 3. – С. 273-305.

Mechanisms of Legal Behavior Control: Ethical and Social Consequences

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Department of Applied Mathematics and Informatics,
Russian State University named after A.N. Kosygin,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article examines mechanisms of legal control such as simple compliance, collateral motivation, authority, and strategic intervention. A comprehensive analysis of their nature, operational features, and influence on individual behavior is conducted. The authors demonstrate that sustainable legal order is achieved through a balanced combination of legal control mechanisms. Special attention is given to ethical aspects and social consequences of various forms of legal regulation. The research offers a new perspective on law as a multidimensional social institution combining control, coordination, and value-orientation functions. Reducing law to an instrument of social control emphasizes mechanisms of coercion and authority. Meanwhile, understanding law as a mechanism for organizing collective life of free individuals brings to the forefront strategic intervention that creates conditions for voluntary cooperation. An ideal legal system represents a regulatory model where external coercion gradually gives way to internal motivation, and compliance with legal norms becomes not a result of fear or blind obedience, but a consequence of conscious choice within properly structured social interaction.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V. (2025). Mekhanizmy pravovogo kontrolya povedeniya: eticheskie i sotsialnye posledstviya [Mechanisms of Legal Behavior Control: Ethical and Social Consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 26-32.

Keywords

Legal control, legal regulation mechanisms, collateral motivation, authority of law, strategic intervention, social order, legal effectiveness, legitimacy.

References

1. Ovcharova, E.V. (2019). Administrativnaia protsedura nalogovogo kontrolya v mekhanizme pravovogo regulirovaniia [Administrative procedure of tax control in the mechanism of legal regulation]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], *14*(2), pp. 137-158.
2. Syrykh, V.M. (2005). Sotsialnyi mekhanizm pravovogo regulirovaniia: poniatie, sostav i struktura [Social mechanism of legal regulation: concept, composition and structure]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*, (2), 106-119.
3. Shatkovskaia, T.V., Epifanova, T.V., & Vovchenko, N.G. (2018). Transformatsiia struktury mekhanizma pravovogo regulirovaniia v usloviakh tsifrovoy ekonomiki [Transformation of the structure of the legal regulation mechanism in the digital economy]. *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki*, (3), 142-146.
4. Anderson, D.C., & Whitman, T.L. (1971). Control of behavior through law: Theory and practice. *Notre Dame Law Review*, *47*(5), 815-834.
5. Bilz, K., & Nadler, J. (2014). Law, moral attitudes, and behavioral change. In E. Zamir & D. Teichman (Eds.), *The Oxford handbook of behavioral economics and the law* (pp. 241–267). Oxford University Press.
6. Brochmann, G. (2020). The mechanisms of control. In G. Brochmann & T. Hammar (Eds.), *Mechanisms of immigration control: A comparative analysis of European regulation policies* (pp. 1–27). Routledge.
7. DeMott, D.A. (1998). The mechanisms of control. *Connecticut Journal of International Law*, *13*, 233-267.
8. Grasmick, H.G., & Green, D.E. (1980). Legal punishment, social disapproval and internalization as inhibitors of illegal behavior. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, *71*(3), 325–335.
9. Kraakman, R.H. (1984). Corporate liability strategies and the costs of legal controls. *The Yale Law Journal*, *93*(5), 857–898. <https://doi.org/10.2307/796238>
10. Minsky, N.H., & Ungureanu, V. (2000). Law-governed interaction: a coordination and control mechanism for heterogeneous distributed systems. *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*, *9*(3), 273–305. <https://doi.org/10.1145/352591.352592>